

Александрова О.Н.
ЕВГЕНИЙ БУЛГАРИС И «ГРЕЧЕСКИЙ ПРОЕКТ» ЕКАТЕРИНЫ II

10 (21) июля 1774 г. в деревне Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор, завершивший русско-турецкую войну, и русские корабли покинули базу на Архипелаге, вернувшись в Кронштадт. Османская империя понесла некоторые потери, но, по сути, осталась главной силой как на Черном море, так и в Восточном Средиземноморье. После ухода русских войск восставшие греки оказались беззащитными перед оккупантами и приняли на себя волну ответных репрессий со стороны турок.

Россия тоже получила в результате этой войны некоторые политические дивиденды – так, по Кючук-Кайнарджийскому договору Россия получила право учреждения консульств в Османской империи: почти все они были учреждены в южной части Балкан, в городах и на островах Греции – в Салониках, Патрах (Пелопоннес), Артесе, Санторине, а также в Смирне (Измире), на азиатском берегу Эгейского моря и на Кипре. Кроме того, консульства были учреждены и на островах, находившихся под венецианским господством: Корфу, Закинфе и Кефалинии.

Массовая эмиграция греков в Россию после окончания русско-турецкой войны 1768–1774 г. имела как политические, так и экономические причины. Прежде всего, греки и другие православные народы Балкан видели в России сильную державу, населенную единоверцами. Поэтому помощь России в избавлении от османского ига воспринималась прежде всего как моральная поддержка.

С другой стороны, правительство Екатерины II было заинтересовано в привлечении иностранных колонистов на земли Северного Причерноморья. “Численность населения российской державы за 30 лет увеличилось с 20 до 37 млн. человек, и объяснить это одними территориальными приращениями невозможно” [1, с. 157].

Всем иностранцам, переселяющимся на территорию Новороссии, как официально стали называться с конца XVIII в. земли Северного Причерноморья, предоставлялись значительные льготы и привилегии – освобождение от рекрутского набора, освобождение на определенное число лет от всех податей и повинностей, выдавались ссуды и пособия на обустройство.

Но самые значительные льготы в правление Екатерины II получили греки. Во время ее правления был создан в Крыму в 1779 г. из греков, участников русско-турецких войн, Греческий полк, преобразованный в 1797 в Балаклавский греческий батальон, просуществовавший до 1859 г. В 1795 г. под Одессой был сформирован Греко-албанский дивизион, просуществовавший до 1819 г. и известный более под названием Одесского греческого пехотного батальона. В 1775 г. в Петербурге для обучения греческой молодежи был создан “Корпус чужестранных единоверцев”, готовивший военных и дипломатов.

Екатерина II понимала, что если ее проекты по освобождению Греции и восстановлению Греческого государства на территории Византии будут осуществлены, понадобятся серьезные кадры для управления новым государством. Поэтому она так способствовала воспитанию новой греческой интеллигенции.

Авторитет греческих ученых, богословов в России всегда был велик. В XVII в. в Москве братьями Лихудами было основано первое высшее учебное заведение – Славяно-греко-латинская академия, ставшая центром богословского образования вселенского значения.

В России издавались книги на греческом языке, при императорском дворе звучала греческая речь. В конце XVIII в. в России начинают издаваться газеты и журналы на греческом языке, появляются греческие школы, оказывается материальная помощь учебным заведениям в самой Греции. Греческий язык изучил не только великий князь Константин, предполагаемый император Греческой империи, его знал и Г.А.Потемкин, первый генерал-губернатор Новороссийского края. Фанариоты, митрополиты и известные греческие ученые пользовались особым покровительством, им предоставлялись солидные пенсии.

О степени доверия царского правительства к греческим эмигрантам свидетельствует тот факт, что им был открыт доступ в важнейшие звенья государственного аппарата – дипломатические должности и армию. Кроме И.Каподистрии, статс-секретаря по иностранным делам с 1815 по 1822 гг., с конца XVIII по XIX в. высокие посты занимали в русском дипломатическом ведомстве выходцы из Греции К.К.Родофиникин, А.К.Псаро, Г.Д.Моцениго. Именно греки становились консулами и посланниками России в восточных странах. Особым уважением пользовались греки, поступившие на военную службу в Русскую армию, некоторые из них дослужились до генеральских чинов (А.К.Ипсиланти, Э.Г.Папандопуло, И.Горголис).

Например, в 1771 г., по рекомендации императора Фридриха, в Россию был приглашен виднейший греческий просветитель и ученый Евгений Булгарис (1716–1806 г.) (Евгениос Вулгариос), живший до этого в эмиграции в Германии. По мнению императрицы, Е.Булгарис мог быть полезен для поддержания контактов с греческим населением, так как его авторитет на родине был чрезвычайно высок, к его мнению прислушивались, его политические и общественные связи были обширны. С середины 1770 г. лица из ближайшего окружения императрицы усиленно старались ускорить его переезд в Россию.

Один из крупнейших греческих просветителей и богословов XIX века, Евгений Булгарис родился на острове Корфу. Учился в г. Арта и г. Янина. На средства, собранные друзьями, он, уже в сане диакона, уезжает в Италию для изучения богословских наук и философии.

В 1742 г. он возвращается из Италии в г. Янину, служит учителем, прекрасно владеет латинским, древнееврейским, французским и итальянским языками. В 1753 году его приглашают на Святую Гору Афон для организации работы Афонской Духовной Академии. После смерти своего покровителя Вселенского Патриарха Кирилла Булгарис уезжает с Афона в Стамбул. Здесь он преподает математику и философию в Патриаршей богословской школе.

В 1765 г., оставив преподавательскую деятельность, Вулгарис приезжает в Германию, в Лейпциг, для

издания своих трудов. Он печатает здесь в 1766 г. свою “Логику”, излагая учение таких крупнейших ученых, как Карт, Гоббс, Ньютон, Локк, Лейбниц, книгу “Элементарная математика” и историческую работу о церковных разногласиях в Польше.

В 1769 г. Е.Булгарис был представлен прусскому королю Фридриху, проявившему интерес к личности этого православного монаха-ученого, знатока немецкой философии, к прогрессивным методам его преподавания.

В Петербурге Булгарис, человек живой, общительный и образованный, сразу производит исключительно благоприятное впечатление. Екатерина II назначает его хранителем своей библиотеки, особенно оценив переводческий талант. Руководствуясь прежде всего политическими соображениями, императрица осыпала своего гостя многими милостями. Карьера просвещенного грека, православного монаха при ее дворе как нельзя лучше соответствовала тогдашней теории о России как преемнице Византийской империи [см.: 6, с. 26–27].

Именно его Екатерина II решила поставить во главе новой церковной епархии – “Славянской и Херсонской”, созданной на новых южных землях, куда переселилось много греков, несмотря на то, что Булгарис имел лишь скромный чин архидьякона. Его задачей было – смягчить разочарование греков в исходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и в политике России.

Несмотря на то, что Е.Булгарис стал волею императрицы архиепископом, служба в церковной администрации не отвечала его склонностям – он был прежде всего писателем, ученым, переводчиком. И в 1779 г., по его просьбе он получает отставку, возвращается в Петербург и до конца дней занимается научной, переводческой деятельностью (Вергилий, Гомер).

Авторитет Булгариса в России был столь велик, что он, только приехав, сразу становится действительным членом Императорской Академии Наук. Русской общественности особенно импонировала его приверженность идеям Вольтера, произведения которого он перевел на новогреческий язык.

В лице Булгариса православные греки видели своего полномочного представителя в столице великой державы. При дворе Екатерины II он имел статус и дипломатического лица. Он готовил докладные записки и материалы по вопросам положения в порабощенной Греции, писал книги патриотического содержания для распространения в Элладе. Евгений Булгарис разделял надежды соотечественников на освобождение Греции силой русского оружия и еще в Германии перевел на новогреческий язык изданный Екатериной «Наказ».

В сентябре 1771 г. Булгарис издает в Петербурге переведенную им с итальянского языка на новогреческий брошюру участника Архипелагской экспедиции А.Джики “Желания греков к Европе Христианской”. Эта брошюра была, по-видимому, известна в русских кругах, так как сохранился ее незавершенный перевод, сделанный А.Н.Радищевым. “В брошюре говорилось об отчаянии греков после неудачи Морейского восстания 1770 г.: они не исключали, что Россия может в ближайшее время заключить мир с Портой, не обеспечив безопасность союзников – греков. Греки надеялись, что в результате русско-турецкой войны “вольность паки между нами возобновится, и что Греция прежний свой вид получит. Надежда толиких выгод в один миг исчезла, и весьма основательный страх мучительных изъятий, тиранами нашими нам приурочиваемых, как их отмщения, так и для политических причин, наполнил сердца наши горестию и отчаянием” [цит. по 1, с. 202].

Позднее Евгений Булгарис представил императрице развернутую программу решения Восточного вопроса, включавшую в себя и освобождение Греции. Эта программа была изложена в знаменитом труде Булгариса “Размышления о нынешнем критическом состоянии Оттоманской державы”, опубликованной в 1772 г. на французском языке, вышедшей почти одновременно в греческом переводе, а позднее – в переводе на русский язык. Брошюра была издана анонимно, что дает основание предполагать, что в ней нашли отражение идеи не только автора.

Булгарис считал, что Османская империя находится на грани разрушения, куда ее и надо подтолкнуть при помощи русского оружия. Военный разгром Османской державы, тем не менее, не казался ему неизбежным. Писатель предупреждал, что если османцы усвоят достижения европейцев и их военную тактику, то они очень скоро будут представлять грозную опасность для всей Европы. И хотя, по мнению Евгения Булгариса, уничтожение Османской империи необходимо для поддержания равновесия в Европе, некоторые европейские христианские государства, опасаясь растущего влияния России, стремятся помешать ее победе в войне с Османской империей. Он полагал, что это “предоставило бы, возможно, другим христианским державам большие выгоды, чем России; и в конечном счете произведенный по взаимному согласию раздел турецких провинций в Европе, вместе с созданием небольшого независимого Княжества Греческой Нации, могло бы содействовать в будущем сохранению действительного европейского равновесия” [4, с. 82].

Пребывание Евгения Булгариса в России способствовало распространению в русском обществе филэллинских настроений. Филэллинизм в Россию пришел из Европы, где он был важной составляющей частью идеологии Просвещения. Преклонение перед античностью и особенно перед культурой Древней Греции стало обычным явлением в литературных салонах той эпохи.

У императрицы Екатерины II существовал грандиозный план политических преобразований на Балканах и Ближнем Востоке. Он вошел в историю под названием Греческого проекта, но корни его основываются на традициях российской внешней политики, тесных политических и культурных связях, возникших между православным населением Балкан и Россией в эпоху османского господства.

“Первую заявку на византийское наследство Русь сделала еще в XV в. в результате женитьбы московского великого князя Ивана III на племяннице последнего византийского императора Константина XI Зое (Софье) Палеолог” [1, с. 209]. Этот брак подтверждал близость между русским и византийским царскими домами, ведь первый династический брак был заключен еще в XI в. киевским Великим князем Владимиром I Красное Солнышко с сестрой византийского императора Анной, что было свидетельством высокого

международного престижа Древней Руси.

Петр I также как и Екатерина II разрабатывал определенные планы в отношении Балкан и Ближнего Востока (Прутский поход 1711 и Персидский 1722–1723 гг. служат подтверждением этому факту). Об этих планах Екатерина II знала от сподвижника Петра фельдмаршала Б.К.Миниха, победителя турок при Ставучанах.

Идеи возрождения Византийской империи всегда находили сторонников в политических и общественных кругах России. Тот же Миних, приглашенный во дворец по случаю одного из дней рождения наследника престола Павла Петровича высказал пожелание, которое, безусловно, разделяли многие: “Я желаю, чтобы когда великий князь достигнет семнадцатилетнего возраста, я мог бы поздравить его генералиссимусом российских войск и проводить в Константинополь, слушать там обедню в храме Св.Софии. Может быть назовут это химерою... Но я могу на это сказать только то, что Великий Петр с 1695 года, когда в первый раз осаждал Азов, и вплоть до своей кончины не выпускал из вида своего любимого намерения – завоевать Константинополь, изгнать турок и татар и на их месте восстановить христианскую греческую империю” [2, с. 100].

Эти надежды Булгариса разделяли многие просветители Европы. Вольтер в своих письмах к императрице не раз высказывал надежду, что она покончит с турецким господством в Европе и “возродит в Греции Фидиев и Мильтиадов” [цит. по: 1, с. 211]. Британский посол Гаррис в своих сообщениях в Англию докладывал, что “преобладающей мыслью, затмевающей все остальные, является основание новой империи на востоке, в Афинах или Константинополе” [5, с. 68].

Екатерина II не раз подчеркивала, что ее политика является продолжением “дела Петрова”, давала понять, что будет содействовать освобождению православного населения Балкан от османского ига. Русские военачальники, действовавшие в Греции во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг., писали в своих воззваниях, что война ведется ради освобождения христиан от иноземного ига.

Евгений Булгарис во время своего представления Екатерине II высказал сожаление в том, что она не является греческой императрицей и высказал мнение греческой общественности: “Соверши ты мое благополучие приведением рода моего в благополучное состояние. Греция после Бога на тебя (Державнейшая Императрица) взирает, тебя молит, к тебе припадает” [3, цит. по 1, с. 210]. В своем проекте Булгарис разрабатывал план создания небольшого греческого княжества, что не было тождественно Греческому проекту Екатерины II о создании большой Греческой империи, но имело и нечто общее – идею о восстановлении греческой государственной независимости.

Надежды Екатерины II на восстановление Византийской империи и установления на ее территории государства, братского по духу России подтверждается ее планами на будущее одного из внуков – Константина. Сам выбор его имени, на первый взгляд, странен. До этого имя Константин в истории русского царствующего дома не встречалось. Тем не менее, царевича, родившегося 27 апреля (8 мая) 1779 г. нарекают Константином, весьма распространенным именем среди Византийских императоров. В честь его рождения была отчеканена специальная медаль с изображением Софийского храма в Константинополе и Черного моря с сияющей над ним звездой, во время праздника, устроенного в честь рождения Великого князя Константина хор под звуки органа пел строфы на древнегреческом языке. По желанию царственной бабки он воспитывался вместе с молодыми греками, изучал греческий язык, и кормилицей для него была выбрана гречанка.

Рождение предполагаемого правителя Греческой империи было с восторгом встречено русской общественностью, внушало большие надежды в греческом народе, особенно благодаря распространенной в Греции легенде о том, что Константинополь, столица Византии неразрывно связан с правителем, носящим это имя: один Константин основал этот город, при другом Константине столица империи пала и потеряла свое имя, превратившись в Стамбул, при новом Константине Византийская империя возродится.

“Се Константин восстал! Ликуйте мудры греки:

возобновятся вам прошедши сладки веки.

Афины мощною воздвигнет он рукой”, – писал князь Ф.С.Голицин, ему вторил В.Петров:

“Гроза и ужас чалмоносцев,

великий Константин рожден...” [цит. по 5, с. 70].

К 1780 г. Греческий проект стал приобретать все более четкие формы. Секретарь императрицы А.А.Безбородко представил на ее рассмотрение “Материал по делам политическим”. Эта записка легла в основу предложений, которые Екатерина II изложила в письме от 10 (21 сентября) 1782 г. австрийскому императору Иосифу II.

Главным достоинством этого проекта, с точки зрения российской правительницы был то, что подобное государство должно было бы служить буфером между христианским и мусульманским мирами, барьером между Российской и Австрийской империями с одной стороны и Турецкой империей с другой. В это государство (кроме греческих земель) должны были входить территории Молдавии, Валахии и Бессарабии. Почему-то Екатерина именовала это новое государство Дакией, хотя эти территории в состав древней Дакии не входили. Это должно было быть независимое от России и Австрии государство, управляемое монархом-христианином. “В.и.в. не откажется помочь мне в восстановлении древней Греческой монархии на развалинах павшего варварского правления, ныне здесь господствующего,” – писала она Иосифу II.

Но австрийский император, перед которым в то время стояла более близкая угроза – прусское вторжение, не поддержал начинания российской императрицы, хотя 11 января 1783 г. повторил свое принципиальное согласие с Греческим проектом. И в конце-концов Екатерина II была вынуждена от него отказаться.

Оценка современными исследователями Греческого проекта Екатерины II неоднозначна и чаще всего трактуется как документ “макиавеллистической политики”. Его обвиняют в тяготении к прошлому, воспоминаниям о былом величии Византии, потерявшем значение в геостратегической ситуации XVIII в.

“Проект явно химерический: Османская империя, хоть и была больна, испускать дух не собиралась; большинство европейских монархов стремилось выступать в качестве ее лекарей, а не гробовщиков. В документе отсутствует идея славянской взаимности, равно как и желание воплотить принцип национальности. В западной историографии он и сию пору представляется символом российского экспансионизма” [1, с. 215].

Источники и литература

1. Век Екатерины II. Дела балканские. – М.: Наука, 2000. – 295 с.
2. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М., 1992. Кн. III, вып. 7.
3. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 18. – Д. 249. – Л. 14 (служебный перевод с новогреческого).
4. Арш Г.Л. Видные греческие деятели о кризисе Османской империи в конце XVIII-начале XIX в. // История. Культура. Этнология: Доклады российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. – М., 1994. – С. 82.
5. Маркова О.П. О происхождении так называемого Греческого проекта // История СССР. – 1958. – № 4. – С. 68.
6. Краткий словарь новогреческой литературы / Сост. Наталия Николау – М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра; Фонд греческих исследований в Москве. – 1993. – 268 с.

Александрова О.Н., Шарапова Н.В. ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РОМАНА МИЦОСА АЛЕКСАНДРОПУЛОСА «СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ МАКСИМА ГРЕКА»

Современное греческое литературоведение уделяет явно недостаточное внимание анализу творчества выдающегося писателя Мицоса Александропулоса. Многие его произведения исследовались литературоведами Греции в 60–70 гг. XX века. Сейчас же его романы вызывают значительный интерес, прежде всего у ученых бывшего Советского Союза. Известны исследования Громова М.Н., Иванова А.И., Сеницыной Н.В., Буланина Д.М., Покровского Н.Н., Цивьян Т.В., Топорова В.Н., Ильинской С.Б. [см.: 2, 3, 4, 5, 6, 10, 11]. Подобный интерес вызывает *актуальность* для нашей аудитории проблем, поднимаемых в произведениях этого писателя: адаптация человека в чужой культуре, иноязычной среде, вопросы патриотизма, просветительства и миссионерского служения в другой стране.

Новизна нашего подхода заключается в выявлении влияния идей философии экзистенциализма на творчество Александропулоса, определении особенностей его художественного мышления. Наша *цель* – продемонстрировать использование основных экзистенциалистических категорий в известном романе М. Александропулоса «Сцены из жизни Максима Грека» (1976).

В качестве исходных положений в своем исследовании мы опираемся на письмо Мицоса Александропулоса, в котором он любезно согласился ответить на некоторые поставленные нами вопросы.

Современный писатель Мицос Александропулос (р.1924 г.), выросший в г.Амалиада на Пелопоннесе, учившийся в Афинском университете на юридическом факультете, является ярким примером греческого интеллигента, личность которого как писателя во многом сформировалась в годы гражданской войны в Греции (1946–49), в которой будущий писатель принимал активное участие. Сложившийся в результате поражения демократических сил фашистский режим Черных полковников стал причиной вынужденной эмиграции большей части греческой интеллигенции. Так и Александропулос покинул Родину, долгие годы провел на чужбине и только в 1981 г., через 7 лет после ликвидации военной диктатуры, смог вернуться домой.

Как и многие передовые люди Европы, видевшие в Советском Союзе прообраз идеального утопического государства, в своих скитаниях он оказался в нашей стране, где его литературная деятельность была высоко оценена современниками: «Мицос Александропулос принадлежит к литературному поколению Греции, сформировавшемуся и прошедшему закалку в годы героического греческого Сопrotивления, за развертыванием и действиями которого мы с таким вниманием следили в предвоенные и военные годы» [8, с. 4] – писал о нем Борис Полевой.

Жизнь в чужой стране, попытки адаптации к иной культуре заставили Мицоса Александропулоса заинтересоваться судьбой своего соотечественника, который много лет провел на русской земле, – Максима Грека.

Максим Грек, величайший просветитель русского народа, оказался на территории Московии, как и многие его соотечественники.

Влияние греков на русскую культуру неоспоримо и значительно. Одной из самых ярких фигур был Максим Грек (в миру Михаил Триволис) (1475–1556), публицист, писатель, переводчик, филолог. Разнообразие его произведений удивительно. Максим Грек обладал поистине феноменальными по тем временам познаниями в самых разных областях. В России же он известен, прежде всего, как публицист, «даже его переводы патриотических сочинений объясняются политическими установками писателя» [3, с. 12].

Максим Грек родился в г. Арте в известной среди греческой и итальянской интеллигенции семье Триволисов. Род, из которого происходил будущий писатель, был близок к последней правящей византийской династии Палеологов.

Молодость провел в Италии, где сотрудничал с известными греческими и итальянскими гуманистами Иоанном Ласкарисом, Анджело Полициано, Дж. Фр. Пико делла Мирандола, принимал участие в работе известного венецианского издателя Альда Мануция.